

КРЕСТ

Владимир Анатольевич Молчанов родился в 1954 году на хуторе Полтавка Оренбургской области. Окончил Рудненский индустриальный институт, Институт высших управленческих кадров Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, стажировался в ФРГ. Прошёл путь от горного мастера до главного инженера ООО «НОСТА - Тюльган» Орско-Халиловского металлургического комбината. Награждён знаком «Шахтёрская слава» II степени. Печатался в областной газете «Южный Урал», журнале «Гостиный Дворъ». Член Оренбургской региональной общественной писательской организации. Живёт в Оренбурге.

По высокому, грубо выбеленному известкой потолку больной палаты назойливо бегало жёлтое пятно. Двор за окном освещался ртутными светильниками, ровно охватывающими белым светом территорию и помещение. Но на деревянном столбе, стоящем напротив окна, болтался фонарь от старого освещения, из экономии не снятый при обновлении. На ветру он скрипел и отбрасывал на потолок жёлтые блики.

Пятно не давало сосредоточиться, раздражало.

— Не прошло и года, — тихо произнёс Алексей, грустно всматриваясь в стандартную обстановку палаты. — А на третьем этаже вроде покрасивше было.

Восемь панцирных кроватей, восемь простых тумбочек, две табуретки и обшарпанный стол на металлических ножках. Обстановку разнообразили рукомойник в углу да четыре стойки капельниц, сгрудившихся у дверей.

Пружины панцирной сетки давили в спину через тощий матрац,

заставляя постоянно менять положение тела. Запах хлорки, медикаментов и содержимого пластиковых бутылок, заполнявшихся через дренажные послеоперационные трубки.

На потолке в потоке белого освещения проявлялись какие-то геометрические фигуры, линии и буквенные обозначения. Жёлтое пятно, бегающее между фигурами, и вовсе создавало гомерическую картину.

— Чертовщина какая-то, — прошептал Алексей.

Потом сообразил, что это проявляются через известку рисунки чертежей, которыми при ремонте был оклеен потолок.

— Строительные, — разобрал Алексей, приглядевшись. — Как раз в кон, чтобы о работе не забывал.

И погрузился в сон, но ненадолго.

— Алексе-е-ей, ты храпишь, как пристреленный, перевернись, — сосед, Арсений Ильич. Зловредный старикан лет семидесяти пяти, в старые времена инспектор надзорных органов.

— Так мне что теперь, не спать? — раздражённо буркнул Алексей, лишний раз утверждаясь, как старый производственник, в мысли, что доброта в надзоре излишество.

— Спать спи, но другим не мешай.

«Хорошее дело. И каким же это образом?» — подумал, но препираться не стал и, забыв, что почка подвешена на игле-спице, крутанулся на кровати и скрипнул зубами.

Утро в больнице начинается рано, в седьмом часу.

— Так, больные, разобрали термометры, — медсестра фланирует с подносом между кроватями, как официантка в ресторане между столиками.

— Июль, а попозже будить нельзя? — не открывая глаза, возмущается Николай, послеоперационник.

— Нельзя. У меня смена, я из-за вас задерживаться не собираюсь. Кстати, готовь руку, кровь на анализ.

— Ты с меня уже столько крови высосала, что с тобой может сравниться только моя тёща, — откликнулся Николай.

Всё, тема поднята, начинаются анекдоты, были и небылицы про тещу. До самого утреннего моциона. Потом завтрак, обход, назначения.

Ближе к десяти сёстры закатывают в палату каталку.

— Джафаров, раздевайся — и на каталку.

— Уже?

— Твоё «уже» полторы недели тянется. Достал всех своим нытьём: когда, когда?

— А теперь страшно, — раздеваясь, канючит Руслан.

— Не бойсь. Не ты первый, не ты последний.

Алексей перекрестил с грохотом выкатываемую в коридор каталку с Русланом.

— Он же мусульманин, чего крестишь? — вопрошает со своей кровати Арсений Ильич.

— Создатель разберётся.

— Веруешь?

— На войне, в больнице и в мыслях о детях неверующих не встречал.

Зашла санитарка со старшей медсестрой, собрала в пакет вещи Руслана и принялась перестилать кровать.

— Зачем? — удивился Алексей.

— Положено. Не на гулянку потащили, всяко бывает.

После их ухода наступила гнетущая тишина. Потом Николай глубокомысленно изрёк:

— Ахметка, Ахметка, а тебе расстрел. А ничаво, и там привыкнем.

Оживление, хохот и новая серия анекдотов...

Возвратившийся после УЗИ Алексей застал окончание ссоры между Арсением Ильичом и Захарием, добродушным грузином с койки напротив.

— Что ты всех терроризируешь? Забыл, какого с операции приволокли, а мы за тобой ухаживали? — чуть ли не криком, с мягким акцентом, выговаривал он старику. — То не так пахнет, то спать мешают. Выдыхнешься за день, вот и не спится ночью.

Ильич лениво огрызнулся.

Чтобы не слушать, Алексей пошёл прогуляться по коридорам. Прошёл всего день, а он уже начал привыкать к обшарпанности углов, тёмным панелям и прочему убожеству.

«Народная медицина. Тако-го по телевизору не показывают. Ладно, хоть врачи ещё остались», — подумал он.

Дошёл до окна. Отсюда, в прогале деревьев, проглядывал купол больничной часовни святого Пантелеймона. Перекрестился и прочёл про себя молитву. Вышагивая по коридорам, обязательно подходил к этому месту и, глядя на крест, молил Бога о помощи.

Суббота. Утром заглянул лечащий врач, сделал назначения и оставил больных на попечении дежурного персонала и медсестёр. После наркоза Алексей отходил тяжело. Температура зашкаливала, но сестра её прозвала не без помощи самого больного, у которого начались глюки. Он уже жил «параллельной жизнью», терял в ней работу и квартиру, поэтому нёс околесицу, не очень понятную окружающим. По телефону отвечал невпопад, удивляя близких. После разговора с Алексеем сын перезвонил матери со словами «папа что-то не то гонит», та — ему. Алексей уже успел сделать попытку выйти из больницы на свет божий, но был, по счастью, остановлен у запертой двери охраной.

Звонок жены вернул в действительность, ударная доза лекарства сбила температуру, и он начал выходить из цейтнота. В голове просветлялось, и Алексей, обрадованный, что всё ему просто привиделось, постепенно включался в жизнь палаты. Подошёл Захарий.

— Оклемался? А то слежу и вижу, что ты не в своей тарелке, а понять не могу, — улыбнулся он.

— Глюканул малость, — вымученно улыбнулся Алексей в ответ.

— Что нужно, говори. Мы рядом.

Алексей опять подивился солидарности и милосердию больных друг к другу. Палата жила своей жизнью, отличной от той, за стенами больницы. Здесь радовались совсем другому, чем на воле: нормальному запаху мочи или цвету фекалий, снижению интенсивности отделения по дренажной трубке, нормализации уровня билирубина или амилазы в крови, доброму слову медицинского персонала. Здесь все на равных.

Ещё через два мучительных дня выхода из послеоперационного кризиса наступило облегчение. Измотанный, обессиленный Алексей шаркающей больничной походкой двигался по коридору и столкнулся со своим — с прошлой операции — хирургом, спускающимся с верхнего этажа.

— Здравствуйте, Александр Константинович!

— Привет. Ты что, опять здесь?

— Так с вами брюликами поделился, надо и урологию одарить.

— Всё шутишь. Молодцом. Слушай, мне тебя Бог послал. У нас в одиннадцать семинар с районными врачами в актовом зале, главный велел кого-нибудь из ушных пациентов привести, выступить. А ты, судя по вопросам, которыми меня терроризировал, уже дока, так что давай, грамотей, помогай.

«Вечно куда-нибудь вляпаюсь, умник», — подумал Алексей, но отказать не смог.

Актовый зал, заполненный на две трети, пошумливал. Медики приветствовали друг друга, обнимались, даже целовались. Практически у всех одна альма-матер, многие знали ещё с академии. Алексей примостился на втором ряду с уголка и с любопытством оглядывал публику. Вышел профессор, встал за стол и коротким вступлением начал семинар. Через некоторое время вызвали Алексея, как представлявшего мнение пациентов.

— Уважаемые доктора! Я — коротко. Не буду говорить об условиях, в которых вы, слава Богу, ещё умудряетесь лечить, сами знаете. Мы поступаем к вам в разном состоянии. Вот я. Возвращался из командировки и уже в поезде болел. Дальше — авось, небось да безграмотность, хотя все симптомы были более чем налицо даже для меня. В результате к вам попал только через три дня со злостной механической желтухой. Мне повезло, что доктор, несмотря на билирубин за двести и несвёртываемость крови, положил меня на стол и прооперировал. Не без осложнений, возникших попутно операции: камень упал в основную протоку. Повезло и второй раз, в урологии: доктор безошибочно определил методику лечения и за короткий срок вытряс из меня лишние субстанции. И теперь я выздоравливаю.

«Как-то всё официально, по-научному, как на партконференции... а как по-другому? По-другому до этой образованной

публики не дойдёт», — мелькнула мысль.

Взгляд задержался на фразе, выделенной в календаре, лежащем на столе под стеклом: «... яви нам, Господи, милость свою». «Прямо-таки в тему», — подумалось ему.

— И всё же. Лежишь в отделении, наблюдаешь, и накатывает запоздалый страх, когда видишь, что вследствие ошибок и непрофессионализма периферийной хирургии человек сгорает за недели или становится инвалидом... Не хочу никого упрекать, и когда попадаем к вам, то уповаем только на доктора, который в палате первый после Бога. И если вы не уверены в исходе, уступите место у стола другому, тому, который лучше, и научайтесь у него. Ведь главный принцип врачевания — «Не навреди». И просвещайте нас, невежд, а мы вам низко поклонимся, понимая, что вы сделали всё, что могли. Спасибо вам!

Алексей поклонился и направился к выходу.

— Молодец, коротко, но грамотно и доходчиво, благодарю, — у дверей похлопал его по руке Александр Константинович.

— Что я? Вам моя глубочайшая признательность, доктор, — приобняв его за плечи, ответил Алексей.

— Выздоровлявай, дорогой мой, а для меня лучшей награды нет.

— Всё ладненько, динамика положительная, — улыбнулся

при обходе лечащий врач и, обращаясь уже к старшей медсестре, закончил: — Так что готовьте документы на выписку. Рекордно короткий срок пребывания у нас, уважаемый, учитывая диагноз, — снова повернулся к больному, — восстанавливайтесь и больше не попадитесь.

Попроцавшись с обитателями палаты, по ходу и с персоналом, вышел из корпуса. Вдохнул полной грудью весенний воздух, насыщенный горьковатым духом лопнувших тополиных почек, зашагал по больничной территории. На выходе зашёл в часовню, поставил с молитвой благодарности свечи перед иконами Создателя, Богородицы, Николы-угодника и святого Пантелеимона. Перекрестившись, постоял с закрытыми глазами, обращаясь к небу.

Комнаты квартиры после больничных хором с высокими потолками показались маленькими и низкими. Позвонив жене на работу, лёг на диван и уставился в белый потолок. «Раньше были приступы болезни, сейчас бывают иногда приступы здоровья, — мелькнула в памяти вычитанная в интернете присказка. — Вот и получается, что самое главное к нынешнему возрасту — чтобы вовремя Бог прибрал. Дал бы возможность доделать всё предназначенное судьбой, да и призвал к себе».

Подав свой голос телефон, забытый в кармане куртки.

— Слушаю.

— Я так понимаю, выписался? — раздался голос начальника.

— Да, только что домой зашёл.
— И слава Богу. Отлёживайся выходные и выходи. Объект за тебя никто вводить не будет. Ждём, — и телефон отключился.

«Лихо. И погоревать не дал, — без особого раздражения, даже с некоторым чувством радости и удовлетворения отметил Алексей. — «Жистя» не тормозится».

Вернулся на диван и задремал. Приснилось, что его катят по больничному коридору на операционной каталке. Каталку кидает из стороны в сторону, Алексей цепляется за края, чтобы не слететь, а две толкающие её толстые медсестры в окровавленных халатах громко хохочут. Хохот обезображивает их лица каким-то мистическим оскалом...

Проснулся в холодном поту. Сон! Такого счастья Алексей не испытывал даже тогда, когда вышел из больничного корпуса на вольный воздух. «Бог не водружает на спину испытываемому непомерный крест»...

НОША

Мама болела. Весну промучилась, а к Пасхе «отошла». После похорон, немного погодя, отец привёл женщину с ребёнком. Как без хозяйки в доме? Никак. С Надеждой, дочерью мачехи, Варя подружилась быстро, делить-то особо нечего. А вот мачеха оказалась женщиной суровой, спуску падчерице не давала, да и своему дитю тоже. Здесь без обид — обеих держала в чёрном теле. Дочь

помогала ей по дому, а потом и с новорождённым. На Варю лежало хозяйство: утки, куры, поросята да телята. Было тяжело, но Варвара не роптала, тянула упавший на плечи груз, как могла. К семнадцати годочкам выскочила (лишь бы из дома) замуж за Петрушу, с их улицы парнишку. Как посватался, так сразу и согласилась, хотя не особо он ей и нравился. Малорослый и конопатый. Какой-то несерьёзный как мужчина. Не опора. Хотя и добрый был.

— Варька, вставай, хватит дрыхнуть, пора убираться да скотину кормить, — поднимала её свекровь, уходя поутру на колхозную делянку. — Да печь протопи.

В общем, попала из огня да в полымя.

— Полежи ещё, — жалел её муж.

После ухода матери подскакивал и делал большую часть обязанностей, предназначенных Варю. Любил её очень. А у Варвары душа к нему всё равно не лежала. Раздражал. Уж если не люб, то хоть расстелись, всё равно не угодишь.

К весне Варвара родила дочку. В честь своей подружки-сестрёнки назвала Надеждой. А тут вскорости и война случилась, вместе только и успели дочку окрестить. Крёстной Надежду взяли.

— Прощай, Варюшенька. Даст Бог, свидимся ещё, — шептал Пётр, обнимая на прощанье.

Готов был заплакать, да перед мужиками стыдно.

«Вояка, тоже мне! Хоть бы ты не вернулся», — неожиданно подумала Варя.

Потом устыдилась своих мыслей и перекрестила мужа.

Не вернулся. Сгинул где-то подо Ржевом.

В войну хоть и тяжело, но тяжко всем. А вот после победной весны бытие поменялось. Све-кровь надеялась на чудо и ждала сыночка. Но когда стало ясно, что сын не вернётся, осатанела. Проходу не давала.

— Нахлебники! И так жрать нечего, а тут вы ещё на моей шее сидите, — шипела она, обиженная на судьбу за сына.

Долбила каждый день. Вынудила вернуться Варвару в отчий дом. А там тоже не мёд, семеро по лавкам. Хоть вой. Одно утешение — дочь. Это и удерживало Варвару на белом свете, а то бы давно в омут головой.

— Господи, хоть какой-нибудь калека на тебя б позарился, — выговаривала мачеха.

Не со зла, а от жизненной безнадеги.

Варвара и рада бы была, да где он, её калека. Их и девки-красавицы не чурались за нехваткой женихов в округе. Один свободный мужчина — сосед Михаил. Да и тот заполошный. С войны пришёл после плена, краше в гроб крадут. По ночам метался и дико кричал, мать сладить не могла. Варвара его до ужаса боялась, стороной обходила.

До войны он был женат, и дочь была. Да жена с тоски свихнулась,

к пленным бегать повадилась. Привяжет дочь за ножку к столу и убегает. Донечка незадолго до возвращения отца померла. С таким присмотром-то.

После появления в селе Михаила Тоська, его жена, исчезла. По селу слух пошёл, что Михаил её закопал. Спокойно судачили, без осуждения.

— Правда, что ты Таисию жизни лишил? — нечаянно столкнувшись у плетня с соседом, набралась смелости Варвара.

— Откуда такие зверские новости? — усмехнулся, не поднимая глаз, Михаил.

— Люди говорят, — ещё больше осмелела Варя.

— Люди наговорят, верь больше, — поднял он на неё глаза, полные звериной тоски. — Вытащил я её за косу на гору. Ничего не говорила, только скулила. Не стал брать грех на душу, навидался смертей. Только и сказал: «Иди. Увижу ещё раз — камень к шее привяжу и под яр столкну».

«Глаза у него. Голубые. Только темью наполнены. Как небо перед грозой», — подумала Варвара, отходя от мужчины.

С того времени появилась между ними связь. Как ниточка. Одно неосторожное движение — и порвётся. Но они береглись. И Михаил изменился. Стал мягче. Перестал ночами кричать.

Варвара подрядилась деревенское стадо пасти. Подальше чтобы от мачехи, от её разговоров. Весь день с Наденькой на воздухе, на воле. Михаил приходил к ним на

выпас, когда дела позволяли. То бутылку молока принесёт с краюхой хлеба. А то кусочек сала. Сядет рядышком на склоне взгорка и молчит. Изредка улыбается. Или с Наденькой играют, фигуры на холмике у норы суслика строят. Тепло от него стало исходить.

Однажды Варя задумалась, сидя на ветерке. Озябла. Вдруг почувствовала, что кто-то ей на плечи фуфайку набросил. Не удивилась. Догадалась — Михаил. От фуфайки, снятой с плеча, шло тепло. Быстро согрелась. Михаил присел рядом.

— Знаешь, Варюш, хватит нам с тобой по раздельности горе мыкать. Давай попробуем друг друга отогреть. Должно ведь получиться. Хоть остаток жизни порадуемся, — нарушил он молчание.

Барвара ничего не ответила. Только, ухватившись за руку мужчины, притянулась и преданно прильнула к плечу.

Остаток выплеснулся в целую жизнь. Родили двух дочек. Построили дом. Для Михаила всё посветлело. Он был любим женой, обласкан детьми. Успокоился, а пить и вовсе бросил.

Работали, а по вечерам в клуб ходили, на кино. И в тот раз так же. Новый фильм привезли — «Судьба человека». Когда начали показывать концлагерь и собак, настигших в побеге героя фильма,

Михаил не выдержал и, схватившись за голову, выбежал из зала.

У дома жена догнала и присела рядом с рухнувшим на завалинку Михаилом. Обняла за трясущиеся плечи.

— Успокойся, радёменький мой, успокойся, — шептала она. — Всё прошло, там осталось.

— Вот здесь оно всё, вот тут, — стукнул Михаил сжатым кулаком по груди и зарыдал. — Не уходит и никогда не уйдёт, до самой смертушки не забудется. Эти бесконечные колонны в один конец. Чёрный дым над трубами и горы пепла. Целые вороха. Всё, что осталось от людей. А собаки... Разве могу я забыть их пасти? Когда они рвут тебя, а ты по земле катаешься и не можешь отбиться...

Постепенно успокоился, затих.

— А всё-таки надо было это увидеть. Надо. Чтобы знать — не забыли. И что эта тоска не только меня гложет и долбит, как обухом по голове, — вдруг в звенящей ночной тишине с нажимом выдохнул из себя.

На следующий день в сопровождении детей они направились в клуб на повторный сеанс. Михаил, не отрываясь, смотрел на экран, вновь переживая свою жизнь. В окружении прижавшихся к нему близких гнёт, который носил на душе с тех времён, постепенно легчал.